

БИЛИНГВИЗМ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Таскаева Елена Борисовна,

*старший преподаватель кафедры английского языка
Сибирского государственного университета путей сообщения,
Россия, 630049, Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, 191
eltask@mail.ru*

Аннотация

В статье рассмотрено явление многоязычия и его наиболее распространенного варианта – билингвизма – с лингвистической и философской точки зрения. Многоязычие, являющееся одним из следствий взаимодействия этносов, имеет давнюю историю. В настоящее время более половины населения Земли являются мультилингвами, т. е. используют в повседневной жизни два и более языков. Происходящие в связи с этим изменения в культуре и в мышлении требуют как специализированного, так и философского осмысления. В статье дан анализ мнений различных исследователей языка и языковой способности, включая лингвистов и психологов, относительно природы билингвизма и показано, что критерии оценки степени владения языком, позволяющей говорить о билингвизме, выбираются разными исследователями по-разному. Одни из них считают билингвизмом минимальную компетенцию в одном из основных языковых умений – слушать, говорить, читать или писать, другие же поддерживают представление о билингвизме как умении свободно оперировать двумя различными языками. Опираясь в основном на идеи, высказанные представителями логического направления философии в XX веке, автор статьи делает попытку предложить философское объяснение механизма, позволяющего билингвам свободно переключаться с одного языка на другой. Ключевой философской идеей для выработки представлений о билингвизме является концепция мыслеформирующей функции языка, в рамках которой язык рассматривается не только как средство выражения и передачи мысли, но и как единственно возможная форма возникновения самой мысли. Основной языковой формой, в которой происходит мышление, является предложение, поскольку именно посредством предложений устанавливаются соотношения и связи между объектами мыслимого мира. Следовательно, критерий билингвизма следует искать не в способности говорить на другом языке как таковой, а в способности порождать мысли на данном языке; критерием же способности мыслить на языке является умение формулировать предложения непосредственно на данном языке.

Ключевые слова: билингвизм, мышление, функции языка, философия языка, аналитическая философия.

Библиографическое описание для цитирования:

Таскаева Е.Б. Билингвизм сквозь призму философской рефлексии // Идеи и идеалы. – 2018. – № 3, т. 1. – С. 171–181. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-171-181.

Поскольку язык является одним из наиболее фундаментальных оснований культуры и человеческого бытия, он с необходимостью оказывается объектом философского осмысления. Свои соображения относительно языка высказывали уже античные философы Сократ, Платон и Аристотель. Средневековые схоласты, гуманисты эпохи Возрождения, представители немецкой классической философии по-своему осмысливали роль языка и слова в жизни человека и человечества; в XX веке философия языка окончательно оформилась как самостоятельная философская дисциплина.

Рассматривая вопросы происхождения, сущности и функций языка, философия вступает во взаимодействие с целым рядом гуманитарных наук, и прежде всего с лингвистикой. В смысловом пространстве конкретных наук философия призвана выполнять роль методологического основания, поскольку объект науки предстает перед философией в широком социокультурном контексте и с ориентацией на выяснение предельных, фундаментальных вопросов существования этого объекта. Философский подход предполагает возможность внешнего, рефлексивного взгляда на конкретные научные дискуссии, что позволяет давать независимые оценки выстраиваемых позиций и генерировать новые ракурсы рассмотрения проблем. В данной статье мы постараемся показать, как обращение к философской методологии формирует предпосылки для уточнения и развития подходов к осмыслению языкового по своей сущности феномена – билингвизма.

Естественные человеческие языки в течение тысячелетий функционируют как средство общения и мыслительной деятельности. Разумеется, формирование и одновременное существование огромного количества языков на протяжении истории человечества создает определенные трудности в общении представителей разных народов, племен и других языковых сообществ. Во все времена эта задача решалась путем усвоения индивидуумами или целыми социальными группами языка другого народа или племени, что было обусловлено различными социальными, политическими, экономическими причинами. В современных условиях к факторам, определяющим необходимость усвоения других естественных языков в дополнение к родному, относятся глобализация, различные виды миграции, мультикультурализм, межнациональные браки – самые разнообразные процессы, делающие ситуацию пребывания или проживания людей в зонах распространения иного языка скорее типичной, чем исключительной. В настоящее время более половины населения Земли являются мультилингвами, т. е. используют в повседневной жизни два, три и более

языков. От 15 до 20 % населения современной России считают себя двуязычными или многоязычными. Многоязычие в различных формах (например, постоянное использование в официальной сфере одного языка, а в повседневной жизни – другого или выбор языка в зависимости от языка собеседника) распространено в европейских странах, США, Китае, Индии, Индонезии и других регионах мира [7, с. 51–52].

Будучи явлением всемирного масштаба, многоязычие и его наиболее частое проявление – билингвизм давно стали объектом изучения лингвистики, психологии, социологии, педагогики, культурологии, и каждая из этих областей знания решает свои теоретические и прикладные задачи. Между тем, хотя понятие «билингвизм» широко используется в научной литературе, дискуссии по поводу того, что конкретно стоит за этим термином и какого человека можно считать билингом, не завершены до сих пор.

Согласно определениям, зафиксированным в толковых словарях английского языка (например, в Webster's dictionary или BBC English Dictionary) слово «bilingual» обозначает человека, который может бегло говорить на двух разных языках. Американский лингвист Леонард Блумфилд в академическом труде «Language» («Язык») использует эту традиционную дефиницию, но указывает на невозможность точно определить степень владения вторым языком, при которой говорящий может считаться билингом [9, с. 56]. Альтернативная точка зрения высказана психологом Дж. Макнамарой, который предложил считать билингами всех, кто обладает минимальной компетенцией в одном из основных языковых умений – слушать, говорить, читать или писать [13]. Между этими крайними точками зрения существует ряд других. Например, исследователи Д. Хармерс и М. Бланк предлагают функциональный подход к определению сущности билингвизма, поскольку язык – это инструмент, призванный выполнять когнитивные и коммуникативные функции в сфере социума и в личностной сфере. В своем исследовании эти авторы употребляют термин «билингвизм» применительно к состоянию языкового сообщества, в котором функционируют два языка, а выражением «индивидуальный билингвизм» или «билингвальность» обозначают психологическое состояние индивидуума, имеющего доступ к более чем одному языковому коду как средству социальной коммуникации [12]. Психолог Франсуа Грожан рассматривает феномен билингвизма с точки зрения функционирования языка, а также сферы использования каждого из языков билингвальной личности. Он полагает, что бессмысленно оценивать билингов по уровню владения языками или по «сбалансированности» их в сознании индивида, так как билингвы обычно применяют свои языки с разными целями и в разных сферах жизни: в семье, на работе, в дружеском общении. Такие сферы применения языков Грожан обозначает термином «домены» и

формулирует принцип комплиментарности, или взаимодополняемости, языков одной личности. По мнению психолога, именно в результате такого «специализированного» использования языков билингвы редко владеют ими в равной степени [11].

Ставя вопрос о том, каким образом билингвы оперируют разными языками, психологи и нейролингвисты используют термин «переключение кодов», описывающий процесс спонтанного перехода говорящих с одного языка на другой в зависимости от коммуникативной ситуации. Ф. Грожан употребляет это же выражение в более специфическом смысле для обозначения поведения билингвов, когда в общении между собой на основном языке они употребляют слова и фразы из другого общего для них языка. В работах О. Гарсиа рассмотрены два варианта объяснения взаимодействия языков билингвальной личности: первый основан на предположении, что в сознании билингвов сосуществуют две различные языковые системы, к которым их носители могут обращаться попеременно; второй вариант предполагает существование в сознании индивидуума одной интегрированной лингвистической системы, и в этом случае наибольший интерес исследователей вызывают динамические ментальные процессы, связанные с использованием языка [10]. Таким образом, одной из важнейших теоретических проблем является функционирование мозга билингвов, в частности то, как устроены системы хранения языковой информации и способы оперирования ею. Исследования нейролингвистов и нейропсихологов позволили выявить различия физических характеристик мозга билингвов и монолингвов: экспериментальные данные свидетельствуют о том, что у билингвов выше показатели нейропластичности, плотности серого вещества и целостности белого вещества, обеспечивающего взаимодействие двух полушарий. Ряд ученых полагает, что для мозга билингвов характерна связанная или совместная активация двух языков, и для успешной коммуникации мозг билингва должен адаптироваться к такой совместной активации путем контроля над выбором языковых средств, чтобы избежать вмешательства нежелательного в текущей коммуникативной ситуации языка [7, с. 55].

Как мы видим, при огромном научном и практическом интересе к феномену билингвизма и богатой накопленной информации до сих пор не сформировалось единое определение термина «билингвизм» и не установлены устойчивые критерии, дающие основание говорить о билингвизме конкретной языковой личности. На наш взгляд, определенные методологические перспективы возникают, если феномен билингвизма – способность человека использовать попеременно различные языковые системы для коммуникации и мыслительной деятельности – рассмотреть с философских позиций.

Одной из главных функций языка философы и лингвисты считают функцию создания картины мира или «ориентирующую» функцию. Этот термин используется лингвистом Е.С. Кубряковой, которая полагает, что главной задачей языка как системы знаков является объективация поступающей человеку извне информации, а также обеспечение всех видов деятельности с информацией [4, с. 37]. В статье «В поисках сущности языка» Кубрякова определяет язык как «средство доступа к мыслительной, ментальной, интеллектуальной, интериоризированной в голове (мозгу) человека деятельности» [3, с. 69]. Опираясь на взгляды философов логического направления, лингвист Н.Д. Арутюнова приходит к выводу, что действительность представлена в языке «не в ее “сыром” облике, а уже пропущенная через классифицирующую и абстрагирующую деятельность человеческого сознания, отраженную и закрепленную в языке» [1, с. 35].

Выяснение природы связи между языком и мышлением составляло одну из важнейших проблем теоретического языкознания и философии языка с самого начала их развития [5, с. 606]. При сравнении лингвистического и философского подходов обращает на себя внимание то обстоятельство, что в лингвистике ведущая роль коммуникативной функции языка практически не подвергается сомнению, в то время как основной тенденцией философии языка в XX веке является постепенное смещение исследовательского интереса к ориентирующей, конструирующей, мыслеформирующей функции языка. Язык рассматривается не только как средство выражения и передачи мысли, но и как единственно возможная форма возникновения самой мысли, непосредственная действительность мышления. Многие философы принимают в качестве аксиомы невозможность существования мысли без выражения ее в языке. Особенно активно эту идею развивали представители аналитического направления философии XX века, магистрального в сфере философских исследований языка. Лидер направления Бертран Рассел рассматривал взаимосвязь порождения мысли и ее словесного оформления как необходимую. В работе «Человеческое познание: его сфера и границы» Рассел утверждал, что язык служит не только для того, чтобы выразить мысли, но и для того, чтобы сделать мысли возможными, поскольку без языка они не могли бы существовать. Главными функциями языка британский философ считал, во-первых, выражение человеком собственных мыслей и эмоций и, во-вторых, межличностную коммуникацию. Допуская существование простейших мыслей без оформления их словами, Рассел не сомневался в том, что все достаточно сложные мысли требуют слов [15, с. 72–74].

Применяя это фундаментальное философское положение к определению методологической основы для признания индивидуума билингвом, следует прежде всего заключить, что критерий билингвизма нужно искать

не в способности говорить на другом языке как таковой, а в способности человека порождать мысли на данном языке. Критерием же способности мыслить на языке является способность формулировать предложения или тексты непосредственно на данном языке в противоположность переводу ранее построенного на другом языке высказывания.

Рассматривая построение предложений как показатель реализации мышления на данном языке, мы опираемся на тот факт, что представители логической (аналитической) философии считают именно предложение основной смысловой единицей языка (Рассел, Витгенштейн [17], Куайн [14]). С этим положением согласны и многие лингвисты. В частности, создатель школы логического анализа языка в отечественном языкознании Н.Д. Арутюнова особо подчеркивает, что мысль не может быть выражена в языке иначе, как в форме предложения [1, с. 16]. К основным свойствам предложения исследователь относит то, что в нем может устанавливаться связь между любыми из сущностей, которыми оперирует человеческое мышление, — предметом, понятием, именем (словом) [Там же, с. 18]. Именно способность человека построить предложение конкретного языка и посредством последовательных предложений породить связный текст для выражения своих мыслей позволяет считать его носителем языка. При этом обязательным является условие формулирования мысли на данном языке без помощи языка-посредника, т. е. без перевода с одного языка на другой.

Людвиг Витгенштейн, яркий представитель аналитической философии, в своих сочинениях рассматривает вопросы функционирования языка и возможности выражения мысли с помощью разных языков. По мнению философа, существуют определенные ментальные процессы, которые могут осуществляться лишь посредством языка, а именно — процессы понимания и подразумевания, и единственная функция знаков языка состоит в том, чтобы индуцировать подобные процессы [2, с. 344]. По Витгенштейну, суть мышления состоит в оперировании знаками [Там же, с. 356]. Он указывал на неотделимость ментального процесса мышления от процесса выражения мысли при помощи слов, как и на невозможность говорить, отбрасывая мышление [Там же, с. 383–384]. Случай, когда человек сначала думает, а потом говорит, Витгенштейн называл наиболее законченным случаем мышления [Там же, с. 303]. Основной единицей языка и единицей выражения смысла философ считал предложение, так как слова по своей природе многозначны и только в предложении обретают конкретный смысл. Для философского объяснения природы и функций предложения Витгенштейн использует метафору «картина»: предложение — это «картина», по сути, не имеющая ни малейшего сходства с тем, что она изображает. Из того факта, что два предложения из разных языков могут иметь одинаковый смысл, философ делает вывод, что данный смысл — не то же самое, что само предложение.

Пытаясь объяснить это явление, он применяет метафору «тень»: источником «тени» является некий факт действительности. Далее Витгенштейн высказывает альтернативную идею, что предложение языка само может служить в качестве такой «тени» [Там же, с. 377–378]. Философ отмечает двоякую сущность знаков языка: с одной стороны, они являются частью определенной языковой системы, а с другой стороны, значения знаков представлены в сознании человека, употребляющего их. Соответственно, психическое переживание, сопровождающее употребление знака, опосредуется употреблением этого знака в определенной языковой системе [Там же, с. 232]. Таким образом, Витгенштейн предложил философское объяснение механизма, который позволяет человеку выразить один и тот же смысл с помощью разных языков.

Логик и философ языка Джон Остин выделил три важных момента в процессе осуществления устного высказывания или речевого акта: человек должен одновременно, во-первых, произнести членораздельные звуки, относящиеся к определенному языковому коду, во-вторых, построить из слов данного языка определенную конструкцию с соблюдением правил грамматики этого языка и, в-третьих, произнести высказывание с целью донести до слушающего определенный смысл [8, с. 92]. Отсюда следует, что выражение мысли в речи Остин однозначно связывает с построением грамматически и семантически правильной конструкции – предложения.

Британский философ Гилберт Райл в работе «Понятие сознания» [16] подробно рассматривает взаимосвязь мышления и языка. Он анализирует алгоритм, по которому маленький ребенок учится мыслить: сначала ребенок учится говорить на языке вслух, а уже потом учится думать на языке молча. Приобретение способности беззвучно говорить с собой – то есть мыслить – требует определенного времени и усилий, а необходимым условием ее освоения является то, что сначала человек должен научиться разумно говорить вслух и понимать других говорящих людей. «Умение скрывать и удерживать мысли внутри себя – утонченное достижение» [6, с. 36]. В качестве метафоры процесса обучения языку Райл использует процесс обучения игре в шахматы. Усваивая многое с помощью критики и примера, дети учатся на практике, не получая каких-либо теоретических уроков. Знание мальчика-шахматиста, *как* играть, проявляется прежде всего в его собственных ходах или ходах противника, которые он признает правильными. Если мальчик соблюдает правила, окружающих не заботит, может ли он сформулировать их [Там же, с. 50]. Сходную мысль высказывал Л. Витгенштейн: носители языка не думают о правилах употребления, используя язык.

В работе «Слово и объект» [14] американский философ и логик Уиллард Куайн формулирует свое понимание того, как ребенок выучивает первый язык: люди, окружающие ребенка, поощряют употребление им правильных языковых форм и препятствуют использованию неправиль-

ных. Можно отметить сходство этого мнения с представлениями Райла. Основной смысловой единицей языка Куайн, как и Витгенштейн, считает предложение. Для Куайна то, что считается словом, менее очевидно, чем то, что считается предложением. Он полагает, что первые элементарные предложения выучиваются ребенком как единое целое. По мере своего развития ребенок начинает активно строить собственные новые предложения по известной ему модели из новых элементов, и тогда взрослые говорят, что он выучивает новые слова. Однако, по сути, ребенок запоминает употребление слова в контексте, в составе предложения, т. е. он фактически учится использовать предложение, в котором может встретиться данное слово [14, с. 13].

Сошлемся также на понимание Б. Расселом процессов усвоения нового языка. У взрослого человека есть две стадии в овладении иностранным языком: первая – когда он может понимать только с помощью перевода, вторая – когда он может «думать» на иностранном языке. Младенцу, у которого пока нет языка, приходится начинать со второй стадии! [15, с. 78].

Итак, мы видим, что такие представители аналитического направления философии, как Рассел, Витгенштейн, Остин, Райл и Куайн, имеют сходные взгляды на то, что считать основной смысловой единицей языка, а также на взаимосвязь усвоения ребенком языка с формированием у него мышления.

Представляется возможным использовать эти теоретические положения как критериальные для объяснения языкового механизма, характерного для билингов. Когда человек, усваивающий второй или последующий язык, приобретает способность выразить мысль, правильно построив предложение на этом языке независимо от своего первого языка, становится возможным говорить о билингвизме. Поскольку предложение выступает основной формой, в которой устанавливаются соотношения и связи между объектами мира, осмысляемого человеком, и фиксируются происходящие в этом мире процессы, именно предложение является непосредственной действительностью мысли. Таким образом, в построении предложений наиболее полно реализуется мыслеформирующая функция языка, что, в свою очередь, означает, что язык начал использоваться человеком в своем главном предназначении. На наш взгляд, это и есть критериальный рубеж в овладении вторым языком, позволяющий говорить о действительном начале билингвизма.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
2. Витгенштейн Л. Избранные работы: пер. с нем. и англ. – М.: Территория будущего, 2005. – 439 с.

3. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012. – С. 63–78.
4. Кубрякова Е.С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012. – С. 35–42.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
6. Райл Г. Понятие сознания: пер. с англ. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 408 с.
7. Таскаева Е.Б. Многоязычие в современном мире: культурные традиции и направления исследования // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. – 2017. – № 2. – С. 50–57.
8. Austin J.L. How to do things with words. – London: Oxford University Press, 1962. – 166 p.
9. Bloomfield L. Language. – London: George Allen & Unwin, 1935. – 566 p.
10. García O., Lin A.M.Y. Translanguaging in bilingual education // Bilingual and Multilingual Education / O. García, A.M.Y. Lin (eds.). – 3rd ed. – Cham, Switzerland: Springer, 2017. – P. 117–130. – (Encyclopedia of Language and Education).
11. Grosjean F. Bilingual: life and reality. – Cambridge: Harvard University Press, 2010. – 276 p.
12. Hamers J., Blanc M. Bilinguality and bilingualism. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 458 p.
13. Macnamara J. The bilingual's linguistic performance – a psychological overview // Journal of Social Issues. – 1967. – Vol. 23, iss. 2. – P. 58–77.
14. Quine W. Word and object. – Cambridge: MIT Press, 1960. – 314 p.
15. Russell B. Human knowledge: its scope and limits. – London: George Allen and Unwin, 1948. – 538 p.
16. Ryle G. The concept of mind. – Abingdon: Routledge, 2009. – 377 p.
17. Wittgenstein L. Philosophical investigations. – Oxford: Blackwell Publ., 2009. – 322 p.

Статья поступила в редакцию 12.03.2018 г.

Статья прошла рецензирование 24.04.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-171-181

BILINGUALISM THROUGH THE PRISM OF PHILOSOPHICAL REFLECTION

Taskaeva Elena,

Senior teacher at English Language Department

Siberian Transport University,

191, D. Kovalchuk st., Novosibirsk, 630049, Russian Federation

eltask@mail.ru

Abstract

The article deals with the phenomenon of multilingualism and its most common case – bilingualism – from both the linguistics and philosophical points of view. More than a half of the global population at present are multilingual, i.e. they use two or more languages in their daily lives. The related changes in culture and ways of thinking require scientific research and philosophic reflection. The article briefly covers approaches applied by researchers of language and language ability to defining the nature of bilingualism. Linguists and psychologists choose different criteria in order to determine the level of language fluency that allows to characterize someone as bilingual. Some scientists believe that even a minimum competence in listening, speaking, reading, or writing means that an individual is bilingual, while others consider a native-like fluency in two languages to be a necessary condition. Using as a basis mainly the ideas of the 20th century's analytic philosophers, the author attempts to offer a philosophical explanation to the mechanism that enables bilinguals to switch between their languages. The key philosophic idea that helps to explain the phenomenon is the concept of a language as a means of expressing thoughts and the only possible form for the existence of thoughts. The main language structure in which a thought can be expressed is a sentence, because it allows to establish relations between any objects of the world. The main criterion of bilingualism is not the ability to speak another language, but the ability to think in that language, whereas the criterion of the ability to think in a language is a skill to build sentences in that language.

Keywords: bilingualism, thinking, functions of language, philosophy of language, analytic philosophy.

Bibliographic description for citation:

Taskaeva E.B. Bilingualism through the prism of philosophical reflection. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 3, vol. 1, pp. 171–181. doi: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-171-181.

References

1. Arutunova N.D. *Predlogenie i ego smysl* [The sentence and its sense]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 384 p.
2. Wittgenstein L. *Tractatus logico-philosophicus. Blue and brown books* (Russ. ed.: Wittgenstein L. *Izbrannyye raboty*. Translated from German and English. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2005. 439 p.).

3. Kubryakova E.S. V poiskakh sushchnosti yazyka [Searching for the essence of language]. Kubryakova E.S. *V poiskakh suchsbnosti yazyka: kognitivnye issledovaniya* [Searching for the essence of language: cognitive studies]. Moscow, Znak Publ., 2012, pp. 63–78.
4. Kubryakova E.S. O mestye kognitivnoy lingvistiki sredi drugikh nauk kognitivnogo tsykla i o ieyo roli v issledovanii protsessov kategorizatsii i kontseptualizatsii mira [On the place of cognitive linguistics among other cognitive sciences and its role in studying processes of the world categorization and conceptualization]. Kubryakova E.S. *V poiskakh suchsbnosti yazyka: kognitivnye issledovaniya* [Searching for the essence of language: cognitive studies]. Moscow, Znak Publ., 2012, pp. 35–42 (In Russian).
5. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistics encyclopaedical vocabulary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 685 p.
6. Ryle G. *The concept of mind* (Russ. ed.: Rail G. *Ponyatie soznaninya*. Translated from English. Moscow, Ideya-Press Publ., Dom intellektual'noi knigi Publ., 1999. 408 p.).
7. Taskaeva E.B. Mnogoyazychie v sovremennom mire: kul'turnye traditsii i napravleniya issledovaniya [Multilingualism in the modern world: cultural traditions and current trends in research]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya: Gumanitarnyye issledovaniya – The Siberian Transport University Bulletin: Humanitarian Studies*, 2017, no. 2, pp. 50–57.
8. Austin J.L. *How to do things with words*. London: Oxford University Press, 1962. 166 p.
9. Bloomfield L. *Language*. London, George Allen & Unwin, 1935. 566 p.
10. García O., Lin A.M.Y. Translanguaging in bilingual education. *Bilingual and Multilingual Education. Encyclopedia of Language and Education*. García O., Lin A.M.Y. (eds.). 3rd ed. Cham, Switzerland, Springer, 2017, pp. 117–130.
11. Grosjean F. *Bilingual: life and reality*. Cambridge, Harvard University Press, 2010. 276 p.
12. Hamers J., Blanc M. *Bilingualism and bilingualism*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 458 p.
13. Macnamara J. The bilingual's linguistic performance – a psychological overview. *Journal of Social Issues*, 1967, vol. 23, iss. 2, pp. 58–77.
14. Quine W. *Word and object*. Cambridge, MIT Press, 1960. 314 p.
15. Russell B. *Human knowledge: its scope and limits*. London, George Allen and Unwin, 1948. 538 p.
16. Ryle G. *The concept of mind*. Abingdon, Routledge, 2009. 377 p.
17. Wittgenstein L. *Philosophical investigations*. Oxford, Blackwell Publ., 2009. 322 p.

The article was received on 12.03.2018.

The article was reviewed on 24.04.2018.